

Гісторыя

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДВИНЬЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)

На основе материалов Государственного архива Витебской области рассматривается положение сельского населения в условиях нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны на примере Полоцкого района.

Введение. Изучение нацистского оккупационного режима на региональном уровне способствует выявлению локальных особенностей и общих моментов функционирования нацистского оккупационного режима. Характеризуя комплекс источников по истории Подвинья периода нацистской оккупации, следует отметить, что документы оккупационного периода относительно ряда районов региона сохранились фрагментарно. Например, фонды Государственного архива Витебской области, относящиеся к Полоцкому району, представлены только документами Экиманской волостной управы (ф. 2823, оп. 1, ед.хр. 1 – 4) и Полоцкой районной управы (ф. 2825, оп. 1, ед. хр. 1). Сохранился небольшой комплекс документов по Борковичской (ф. 2833, оп.1, ед. хр. 1 – 2) и Луночарской (ф. 2834, оп. 1, ед. хр. 1) волостям Дриссенского (Верхнедвинского) района. Однако, несмотря на достаточно компактный и фрагментарный материал, сохранившиеся документы дают возможность реконструировать отдельные аспекты жизни и быта населения Подвинья в период нацистской оккупации.

Основная часть. Документы коллаборационной администрации дают представление о численности населения. На 1. 01. 1942 г. на территории Экиманской волости насчитывалось детей до 8 лет – 695, 9 – 15 лет – 535, старше 16 лет – 674 мужчины и 1 049 женщин, всего 2 953 чел. [1, л. 1]. На 25. 06. 1943 г. здесь же насчитывалось детей до 12 лет – 711, от 12 до 14 лет – 103, старше 14 лет – 605 мужчин и 790 женщин, всего 2 209 чел. [2, л. 46]. Сокращение численности населения (при условии, что статистические данные точны) можно объяснить начавшейся весной 1942 г. мобилизацией гражданского населения на принудительные работы в Германию, гибелью вследствие немецкой политики геноцида и увеличением естественной убыли населения в результате ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации и дефицита продовольствия.

В процессе выдачи свидетельств о браке, рождении или смерти лицам, внесенных в акты гражданского состояния, уничтоженные во время боевых действий, требовалось выдавать просимые документы лишь в тех случаях, когда граждане могли бы подтвердить заявленную документально или через свидетельские показания. За выдачу документов взимался сбор в размере 5 – 100 руб. в зависимости от сложности и затраты рабочего времени чиновником местной администрации [2, л. 45].

Всем жителям начиная с 12 лет, выдавались удостоверения личности [3, л. 21]. На основании распоряжения немецких властей при регистрации браков жене присваивалась фамилия мужа; допускалось вступление в брак мужчин с 18 лет и женщин с 16 лет. Запрещались браки с евреями; венчание в церкви допускалось только после регистрации брака органами коллаборационной администрации. В начальный период оккупации разводы запрещались категорически [3, л. 16]. Впоследствии, ориентировочно с января 1942 г. они были разрешены. За развод взималась госпошлина в размере 100 руб. с рабочих и служащих, чей доход не превышал 500 руб. и с лиц, занимающихся сельским хозяйством, с граждан с доходом в 500 – 1000 руб. взималась пошлина 200 руб., более 1000 руб. – пошлина составляла 300 руб. [3, л. 15]. Регистрацию актов гражданского состояния в сельской местности производил волостной бургомистр или секретарь волостной управы [3, л. 18]. На основании Постановления немецкого командования о временном порядке регистрации актов гражданского состояния запрещалось вступать в брак с приезжими, пока их благонадежность не будет установлена ортскомендатурой [3, л. 140]. Статистика бракосочетаний, рождений и смертей по волости не сохранилась, есть лишь отдельные разрозненные сведения. Например, с 1. 05. 1943 г. по 1. 09. 1943 г. по Экиманской волости в брак вступили 6 пар [2, л. 182].

Уменьшение численности местного населения несколько компенсировалось за счет миграций на оккупированных территориях. Уже в начале 1942 г. на территории Полоцкого района стали расселяться беженцы (гражданское население, эвакуированное немецкими властями из прифронтовых районов или партизанских зон) [1, л. 12]. В то же время перемещение гражданского населения было существенно ограничено оккупационными властями. Разрешалось перемещение граждан только в пределах своей волостной управы, для поездок за пределы волости необходимо было получать разрешение ортскомендатуры, а поездка туда осуществлялась только с санкции волостного бургомистра [3, л. 22].

Война и оккупация привела к резкому ухудшению материального положения гражданского населения; многие граждане лишились домов и имущества. Обнищавшее население апеллировало к местной администрации с просьбой о помощи. Так, в Борковичскую волостную управу 27. 10. 1941 г. обратился гражданин Б., заявивший, что в ходе боев летом 1941 г. сгорел его дом, семья из восьми человек ютится в бане, и просил выделить лес на постройку дома [4, л. 1]. Другой гражданин 28. 10. 1941 г. просил волостную управу передать ему два общественных амбара для отстройки сгоревшего дома [4, л. 5]. В ответ на просьбу гражданки Л. оказать ей помощь (сгорел дом и все имущество) 8. 11. 1941 г. волостной бургомистр рекомендовал выделить по возможности что-либо из собранного сельской администрацией имущества [4, л. 3, 3 об.]. Борковичский волостной бургомистр 16. 03. 1942 г. отказал в просьбе граждан снять с них продналог, хотя просители заявляли о своем бедственном материальном положении (вынуждены были покупать корма для лошадей) [4, л. 81, 81 об.].

Отдельные граждане могли требовать от общин выплаты положенных им продуктов в счет отработанных ранее в колхозе трудодней. Например, гражданка К. просила бургомистра Борковичской волости возратить ей недополученные 310 кг картофеля в счет отработанных трудодней. Прошение было переадресовано Дриссенской районной управе, но вернулось назад с резолюцией «на усмотрение волостной управы» [4, л. 12, 12 об.].

Нуждающиеся граждане могли просить местную администрацию выдать им скот из общинного стада или закрепить в собственность полученный ранее в пользование. В конкретном случае принималось различное решение. Например, гражданин Р. ходатайствовал перед Борковичской волостной управой о закреплении за ним коровы, выданной немецким комендантом [4, л. 9]. Гражданка К. в августе 1941 г. ходатайствовала перед правлением колхоза «Новая культура» о выдаче коровы, поскольку сгорел ее дом, скот и все имущество, но получила отказ [4, л. 2]. Гражданин К. 1. 09. 1941 г. просил старосту Борковичей о выдаче ему свиньи из общинного стада, поскольку его свинью убили немецкие солдаты, что удостоверяли подписи восьми свидетелей. Волостной бургомистр приказал старосте отказать в прошении и вплоть до особого распоряжения свиней никому не выдавать [4, л. 10]. 21. 11. 1941 г. в ответ на просьбу гражданина Борковичская волостная управа вынесла положительное решение, вернув ему 5 пудов зерна, конфискованного германской армией [4, л. 25, 25 об.]. В заявлении крестьянина на имя начальника Дриссенской районной управы высказывалась просьба закрепить за ним колхозную корову (погибла жена, двое детей, сгорел дом); прошение было удовлетворено [4, л. 67]. 6. 11. 1941 г. Дриссенская районная управа сообщила заведующему хозяйством «Новая культура», что находившаяся у гражданина Н. корова закреплена за ним в личное пользование на основании решения немецких властей и предписывала исключить ее из общественного стада [4, л. 66].

Конфискация продуктов вермахтом летом – осенью 1941 г. давала крестьянам повод требовать от местной администрации повод снизить или отменить сдачу продналога. Гражданин С. просил Борковичскую волостную управу засчитать ему в счет госпоставок 7 берковцев сена, реквизированных вермахтом, но получил отказ по причине отсутствия доказательств [4, л. 14]. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог (все имущество сгорело). Решение было передано волостной администрацией на усмотрение сельского старосты, при этом отмечалось, что уменьшение налогов с сельской общины не допустимо, можно только перераспределять их, перекладывая выплаты на тех крестьян, кто в состоянии их производить [4, л. 49].

В рамках введенной оккупационными властями обязательной трудовой повинности сельское население выполняло такие виды работ как рубка и вывоз леса, гужевая повинность, строительные работы. За сельскими общинами также закреплялся определенный участок дороги, который крестьяне были обязаны поддерживать в порядке. Практиковалась также (под личную ответственность старосты) очистка дорог от установленных партизанами мин. Гражданское население должно было обезвреживать мины, используя специальные катки и бороны, что периодически вело к людским жертвам [2, л. 143]. Оккупационные власти требовали от общин подготовить дороги к зимнему сезону. Сельские общины были обязаны отремонтировать или построить снегозащитные сооружения вдоль дорог, расставить двухметровые шесты как указатели проезжей части на случай снежных заносов, заготовить песок, гравий для посыпки дороги, лопаты, кирки, перед наступлением холодов выровнять дорогу боронованием [5, л. 3].

За уклонение от исполнения рудовой повинности следовало наказание. За невыход на работу по заготовке дров 9 крестьян волости на основании распоряжения начальника района от 29. 10. 1943 г. были оштрафованы по 500 руб. каждый [2, л. 179]. В некоторых случаях сельские старосты, злоупотребляя своим положением, освобождали от исполнения трудовой повинности трудоспособных граждан (родственников или односельчан за определенное вознаграждение), постоянно назначая на работу других лиц, иногда нетрудоспособных стариков, которые, в свою очередь, жаловались на дискриминацию начальнику районной управы [6, л. 5].

Осенью 1941 г. вышли первые постановления немецкой оккупационной и коллаборационной администрации относительно порядка содержания скота, которые в дальнейшем дополнялись. Осенью 1941 г. Полоцкая районная управа потребовала от бургомистров собрать весь бесхозный скот и скот, выданный гражданам под охранные расписки (во время эвакуации органов советской власти часть колхозного скота передавалась гражданам), на остальное оставшееся от граждан имущество составить опись и продать с торгов, передав вырученные средства в банк [6, л. 10]. Руководителям хозяйств предписывалось сдать на базу всех непригодных лошадей [7, л. 13]. Самовольный убой домашних животных категорически воспрещался, о чем неоднократно крайсландвирт напоминал коллаборационной администрации. В исключительных случаях (каких именно четко не очерчивалось) с разрешения волостного бургомистра мог быть произведен убой только бычков, коз и свиней (весом не менее 70 кг) при условии обязательной сдачи государству 50 % мяса и шкуры и предоставлении справки от ветврача [2, л. 101].

Тем не менее, распоряжения коллаборационной администрации относительно запрета на убой скота не выполнялись. Весной 1942 г. Полоцкая районная управа констатировала подобные факты, в очередной раз угрожая гражданам изъятием у них скота, как личного, так и переданного в пользование [1, л. 57]. В марте 1942 г. районная управа потребовала от агронома Экиманской волостной управы предоставить списки граждан, убивших молодняк – телят 1942 года рождения и списки граждан, выращивающих телят [1, л. 47].

Полоцкая районная управа требовала от волостных бургомистров к 25.07.1943 г. провести перепись имеющегося в наличии скота, угрожая конфискацией владельцам, скрывшим скот от регистрации. Требовалось также в 14-дневный срок сообщать бургомистру и районной управе о родившемся молодняке. Каждая матка подлежала оплодотворению, если же этого не происходило или она сбрасывала плод, то владелец жи-

Гісторыя

вотного должен был предоставить объяснение произошедшего или показания свидетелей, в противном случае грозило наказание за незаконный убой животного. Всех маток требовалось выращивать, бычков откармливать до осени. Хозяйства были обязаны докладывать бургомистру о поросятах, которых оно не в состоянии вырастить; в этом случае бургомистр по согласованию с земельным управлением мог производить их перераспределение. В случае вынужденного убоя животного мясо и шкура подлежало сдаче в ЦТО. Разрешения на убой скота для граждан планировалось выдавать после 1.10.1943 г.

Любые нарушения порядка содержания или убоя могли повлечь конфискацию скота. Жесткая регламентация в данном вопросе объяснялась населению как «улучшение обеспечения населения продуктами». Местная администрация должна была объяснять крестьянам, что самовольный убой вызовет спекуляцию, которая наносит вред продовольственному обеспечению гражданского населения. Оккупационные власти использовали достаточно спорную аргументацию, поскольку в реальность запрет самостоятельно распоряжаться своим скотом играл на руку именно оккупационной власти, выкачивавшей из крестьян все большие контингенты продуктов [2, л. 90].

При обложении деревень натуральными поставками для вермахта в первую очередь учитывались граждане, получившие скот в результате раздела колхозного поголовья. Так, 12.08.1943 г. крайсландвирт потребовал от бургомистра Экиманской волости собрать в 3-х деревнях 13 коров за счет бывшего колхозного стада. Очевидно, оккупационные власти рассматривали бывшее колхозное имущество как государственную собственность, временно находящуюся в пользовании населения оккупированных территорий [3, л. 151].

Регламентировался также порядок выпаса скота. Разрешалось пасти скот только в местах, безопасных от партизан, на ночь угонять скот в безопасное место [2, л. 30]. Запрещалось также пасти скот вблизи железной дороги. Местное население оповещалось о том, что немецкие часовые будут открывать огонь без предупреждения [2, л. 95].

В годы оккупации резко снизилось поголовье лошадей. Наличие безлошадных хозяйств создавало проблему. Практика закрепления лошади за несколькими хозяйствами одновременно приводила в ряде случаев к злоупотреблениям со стороны владельцев лошадей. Полоцкий районный агроном требовал равномерно распределять лошадей во время сева и угрожал наказанием в виде конфискации лошади тем крестьянам, которые отказывались передавать тягловую силу своим безлошадным соседям или брали за аренду по пуду хлеба или по 1 000 – 1 500 руб. [2, л. 40].

В некоторых случаях лошади могли закрепляться за двумя крестьянами поочередно, что опять-таки приводило к спорам и конфликтам. Начальник Дриссенского района требовал от старост прекратить подобную практику [4, л. 100, 100 об.]. Споры из-за права распоряжаться лошадьми иногда перерастали в драки. Например, 29.10.1942 г. жительница Борковичской волости потребовала от волостного бургомистра принять меры к гражданину И., который не дал ей лошадь для молотбы и избил ее, что подтверждалось справкой из амбулатории. Истица и ответчик были вызваны в волостное правление для разбирательства, дело закончилось мировым соглашением, а ответчику, оказавшемуся заместителем старосты одной из общин, было вынесено предупреждение [4, л. 106 – 109]. О конфликтах из-за права распоряжаться лошадьми в волостное правление могли сигнализировать и сами старосты сельских общин, очевидно, не смогнувшие самостоятельно разрешить спорную ситуацию [4, л. 85].

Владельцы коров были обязаны сдавать молоко. Отдел промышленности Полоцкой районной управы обращал внимание крестьян, что они обязаны сдавать только натуральное, не снятое, свежее молоко. За литр сданного молока гражданам полагалась выплата 70 коп. минус 20 коп. за возвращаемое им снятое молоко [1, л. 32]. В 1943 г. сельские жители Полоцкого района, имеющие коров, были обязаны сдать 550 л. молока с каждого хозяйства. Наибольший объем данного налога приходился на период лета–осени, т.е. когда скот выпасался на лугах или в начале стойлового периода еще хватало кормов, и не начался отел. В этот период хозяйство должно было сдать 400 л., остальные 150 л. необходимо было сдать с 1.01.1944 г. до 31.07.1944 г. Хозяйства служащих полиции, РОА, самообороны также не освобождались от натуральных поставок, но были обязаны сдавать 400 л. двумя равными долями [2, л. 114]. К 1944 г. объем сдаваемого молока увеличился. В Борковичской волости владельцы коров с 1.04. 1944 г. по 1. 08. 1944 г. были обязаны сдавать по 550 л. молока под угрозой изъятия коровы [8, л. 9]. Освобождались от сдачи молока только владельцы тельных коров до момента отела [4, л. 63]. Владельцы домашней птицы (кур) были обязаны в течение сезона сдавать по 30 яиц от каждой курицы за оплату 5 руб. за десяток и 10 руб. за десяток яиц племенных кур для инкубаторов [1, л. 75].

Высокие натуральные налоги, внеплановые реквизиции и грабежи со стороны вермахта и местной полиции, дефицит тяглой силы приводили к острой нехватке продуктов, вынуждая крестьян использовать семенной фонд для питания. В результате под угрозой срыва оказывалась посевная кампания, поэтому оккупационная администрация была вынуждена уже осенью 1942 г. выделять некоторых хозяйствам семенные ссуды для посева озимых и яровых на следующий 1943 г. В августе 1943 г. волостные бургомистры получили распоряжение начальника Полоцкого района взыскать семенную ссуду. Одновременно им поручалось подготовить заявления на выделение ссуды озимой ржи на 1943 – 1944 гг. Тем самым оккупационная администрация предвидела повторение прошлогодней ситуации, когда образовавшийся после уплаты налогов дефицит зерна в крестьянских хозяйствах угрожал срывом посевной кампании на 1944 г., а значит, ставил под угрозу обеспечение продовольствием вермахта [2, л. 123].

Чтобы крестьяне максимально полно выполняли поставки государству продуктов оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Так, летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров сообщал сельскому населению, что за сданную крестьянами сельскохозяйственную

продукцію они смогут приобретать товары (веревки, ведра, деготь и др.) по твердым ценам в магазинах Центрального торгового общества «Восток», находившихся в г. Полоцке на базарной площади и на 2-ой Виленской улице, или обменивать излишки продуктов на дефицитные товары (соль, спички) [2, л. 147]. Помимо оплаты за сданную сельскохозяйственную продукцию в 1943 г. в Дриссенском районе начислялось определенное количество пунктов за определенное количество сданной продукции: 30 яиц – 10 пунктов, 100 кг ржи, овса, ячменя – 20, 100 кг льносемя – 50, 1 метр льняной ткани – 2 и т.д. За начисленные пункты обещалась выдача продуктов из магазина из расчета: 10 пунктов – 1 кг соли, 3 пункта – пачка махорки, 2 – 1 кг сахара, 1 – коробка спичек [8, л. 1].

Мерой принуждения крестьян к сдаче налогов служила регламентация торговли на рынках. Ортскомендант в письме к бургомистру Луночарской волости 12. 09. 1943 г. сообщал, что, начиная с 16. 09. 1943 г. крестьяне, продающие сельскохозяйственную продукцию на базаре, будут подвергаться проверке, поскольку замечено, что торгую граждане, не выполнившие военный сбор. В случае обнаружения таковых лиц виновные должны были наказываться, а товар подлежал конфискации [5, л. 9].

Кроме фиксированных налогов крестьяне облагались рядом дополнительных повинностей и поборов. Периодически в регионе проводился сбор вещей для нужд вермахта. Первый сбор теплых вещей проходили уже зимой 1941 г. в разгар битвы под Москвой. Так, 23. 12. 1941 г. Полоцкая ортскомендатура потребовала от волостных бургомистров до 30. 12. 1941 г. сдать зимнюю одежду и вещи от каждой волости по 50 пар перчаток, 20 пар меховых перчаток, 30 меховых пальто, 30 полушубков, 20 меховых жилеток, 50 меховых шапок, 50 ватных брюк, 50 шерстяных шарфов, 50 пар валенок и 10 пар меховых валенок [3, л. 1]. Вместо шуб и полушубков разрешалось сдавать овчины [3, л. 7]. Осенью 1942 г. по Экиманской волости у крестьян было реквизировано 367,5 кг шерсти 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и других теплых предметов [3, л. 179]. В июле 1943 г. районный сельскохозяйственный руководитель требовал от крестьян сдать на склад ЦТО по 500 гр. шерсти с каждой овцы под угрозой конфискации животного [2, л. 28].

Крестьяне привлекались к обеспечению узников концлагерей уже с самого начала оккупации. Например, в декабре 1941 г. Полоцкая районная управа на основании распоряжения немецких властей предписывала Экиманской волостной управе собрать 21 т картофеля для военнопленных концлагеря в Боровухе [7, л. 23]. В октябре 1942 г. районная управа обратилась к гражданам с просьбой пожертвовать одежду для узников дулага [3, л. 168]. Ориентировочно летом 1943 г. Полоцкая районная управа инициировала сбор пожертвований для граждан, пострадавших от бомбежки, для чего предписывалось привлечь учителей и сотрудников волостных управ [2, л. 86].

Весной 1943 – 1944 гг. Полоцкая районная управа обращалась через сельских старост к населению с просьбой собрать максимально возможное количество яиц к празднику Пасхи в качестве пожертвования детям, находящимся в детдоме, чтобы, как отмечалось в обращении районной управы, «и им дать почувствовать возможность праздника св. Пасхи». Одновременно волостным бургомистрам и старостам предлагалось напомнить местным жителям о том, что детям нечего одевать, и районная управа будет благодарна, «если кто-то пожертвует ненужное ему тряпье» [6, л. 23].

Немецкие власти периодически издавали распоряжения о сборе оружия, боеприпасов и военной амуниции, которые следовало сдавать в ортскомендатуру. Гражданам, сдавшим оружие, обещалась премия в виде махорки, водки и соли. Лицам, имевшим и не сдавшим оружие или снаряжение, угрожало лишение свободы [2, л. 88 – 89]. Неудачи вермахта на фронте и, как следствие, нехватка амуниции, привела к изданию в сентябре 1943 г. распоряжения немецких властей, обязывавшего местное население собрать каски и шлемы с крестов солдатских могил и сдать их в ортскомендатуру [2, л. 136]. Гражданское население привлекалось также к сбору других стратегически важных материалов, например, проволоки [2, л. 161].

К сбору имущества, приобретенного гражданами в период боевых действий (имущество колхозов, частных лиц, советской и германской армий) привлекались сотрудники полиции, что приводило к злоупотреблениям с их стороны. В 1942 г. Полоцкая городская управа констатировала, что, по имеющимся сведениям, полиция в ряде волостных управ проводит обыски у граждан, изымая имущество, добытое в период военных действий, и продает его с торгов при волостных управлениях, и требовала передачи такого имущества на склад в Полоцк [3, л. 11].

Изучение нацистского оккупационного режима на региональном уровне позволяет получить объемную картину повседневной жизни сельского населения Беларуси, дает представление об эффективности мероприятий немецких оккупационных властей в Подвинском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2834. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 4.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2825. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2833. – Оп. 1. – Д. 2.